

УДК 821.161.1-192(Лысиков А.):785
ББК Щ318.5+Щ33(2Рос=Рус)64-8,445
Код ВАК 10.01.08
ГРНТИ 17.07.25

Д. О. СТУПНИКОВ

Москва

«ИМЯ ТВОЁ НАЗОВУ»

(АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ДЕЛЬФИНА)

Аннотация. В статье исследуются функции имен собственных, встречающихся в рок-поэзии Андрея Лысикова, выступающего под псевдонимом Дельфин. Анализируется значение таких имён, как Анна, Ольга, Надежда, Андрей и Ева. Выдвигается гипотеза, почему Дельфин в своём раннем творчестве всячески избегал упоминания своего настоящего имени.

Ключевые слова: рок-поэзия, рок-музыка, русский рок, антропонимика, антропонимы, имена собственные, персонификация, олицетворение, аллитерация.

Сведения об авторе: Ступников Денис Олегович, кандидат филологических наук, руководитель тематических разделов «Музыка» и «Кино» мультисайта КМ.RU.

Контакты: 127549, Москва, ул. Пришвина, д. 8, стр. 1, kubovitch@mail.ru

D. O. STUPNIKOV

Moscow

«I WILL CALL YOUR NAME»

(ANTHROPONYMIC STRATEGIES OF THE DOLPHIN)

Abstract. The article explores the functions of proper names found in the rock poetry of Andrei Lysikov, acting under stage name Dolphin. The meaning of such names as Anna, Olga, Nadezhda, Andrey and Eve is analyzed. It is hypothesized why the Dolphin in his early work in every way avoided mentioning his real name.

Keywords: rock poetry, rock music, Russian rock, anthroponymics, anthroponyms, proper names, personification, personification, alliteration.

About the author: Stupnikov Denis Olegovitch, Candidate of Philology, Chief Editor of the Sections Music and Movies at web-zine КМ.RU.

Российские рок-музыканты нередко рефлексуют над значением имён собственных и собственных имён. Достаточно вспомнить «День Михаила» Михаила Борзыкина из группы «Телевизор», «Марио» группы «Маша и Медведи» и «Царский альбом» группы «Кирпичи». Дельфин представляет собой причудливый пример авангардиста, которого антропонимы одновременно и манят, и отпугивают. Хоть он и начинал с рэпа, но сейчас де факто принадлежит к рок-поэтам, поскольку часто выступает на рок-фестивалях,

записывает совместные треки с Найком Борзовым и Максом Галстяном из группы «I.F.K.» и издаёт поэтические сборники. В данной статье мы учитываем этот фактор, а также исходим из тезиса философа Павла Флоренского о том, что имя выражает сокровенную сущность человека.

Ещё на стадии группы «Мальчишник» Андрей Лысиков не афишировал своё настоящее имя, предпочитая выступать под псевдонимом. В свою очередь, прозвище «Дельфин» ему было «присвоено» случайно. Однажды он танцевал хип-хоп на Арбате и проходивший мимо милиционер пригрозил: «Уходи, а не то погибнешь, как Дельфин». Несмотря на то, что сакрального смысла в псевдоним из-за сниженности этой ситуации и скабрёзного репертуара «Мальчишника» явно не вкладывалось, в сольном творчестве Лысикова довольно быстро актуализировалась тема смерти, заложенная безвестным стражем порядка в прозвище «Дельфин».

В первый альбом Дельфина «Не в фокусе», выпущенный в 1997-м после его ухода из «Мальчишника», вошла «тотемная» песня «Дельфин». Речь в ней идёт об одиноком обитателе океана, гибнущем от тоски после того, как он лишился своих собратьев. С этим неприкаянным «последним Дельфином» Лысиков себя очевидным образом ассоциирует, потому что в альбоме есть и другие пронзительные песни об одиночестве – «Если просто», «Один на один», «Ботинки», «Последнее слово», «Дилер».

Лирический герой альбома жалок, одинок, беспомощен, находится во власти всевозможных пороков. Анонимность становится признаком его выключенности из социума. Антропоним в первом альбоме Дельфина возникает лишь однажды:

И так понятно, что ты торчишь.
Ты и Гера, ещё твой приятель,
Когда его нет, ты мне об этом кричишь.
Я твой продавец, ты мой покупатель¹.

В контексте песни, представляющей собой циничный монолог торговца наркотиками, Геру нельзя считать полноценным именем собственным, поскольку, прежде всего, это слово отсылает к «герычу» – жаргонному эвфемизму героина. Тем не менее, написание в буклете CD Геры с заглавной буквы не исключает варианта, что речь идёт и о некоем человеке – одном из многочисленных клиентов дилера. Играя оттенками значения антропонима, Дельфин добивается потрясающего эффекта, когда место сакральной сущности человека, выраженной в его имени, начинает всецело занимать принимаемый наркотик.

¹ Тексты песен Дельфина из альбомов «Не в фокусе» и «Звезда» цитируются по буклетам коллекционных изданий этих дисков. Тексты из альбомов «Глубина резкости», «Плавники» и «Ткани» цитируются по официальному сайту Дельфина <http://dolphinsmusic.ru/album/>. Тексты альбомов «Игрушки» и «442» цитируются по фонограммам. Все остальные произведения Дельфина цитируются по книге стихов Андрея Лысикова с указанием соответствующей страницы в квадратных скобках.

Гера из песни «Дилер» – лишь частный пример персонификации, одного из излюбленных поэтических приёмов Дельфина. Особенно часто музыкант прибегает к олицетворениям во втором сольном альбоме Дельфина «Глубина резкости» (1999), где есть поэтический цикл «Вера», «Надежда», «Любовь». Например, Надежду он называет «лживой тварью», которая «пыль пускает в глаза», а «Любовь» у него «в белой фате со злобным оскалом по свету рыщет». Показательно, что речь здесь идёт именно о наделённых человеческими чертами абстрактных понятиях, а не, например, о женских именах.

Гораздо сложнее случай с песней «Вера» из альбома «Не в фокусе», не имеющей с «Верой» из второго альбома Дельфина никаких прямых пересечений, кроме общего названия. В «Вере» из первого альбома рассказывается о взыскательной девушке героя, которая «делает слонов из очень маленьких мух», всячески третирует своего спутника, но тем не менее «она до сих пор почему-то со мной». Обилие бытовых подробностей в тексте этой песни свидетельствует о том, что вряд ли мы имеем здесь дело только с аллегорией. В то же время Дельфин оставляет своему слушателю обширное пространство для самых разных трактовок, поскольку совершенно непонятно, имеем ли мы здесь дело с девушкой по имени Вера, персонификацией веры или же вера – именно то, что помогает героям оставаться вместе, несмотря на очевидные трудности с взаимопониманием.

Используя персонификацию, Дельфин тяготеет к предельной степени обобщения, когда один и тот же образ объединяет сразу несколько понятий. Такова песня «Она» из альбома «Глубина резкости», заглавное местоимение которой вмещает в себя и жизнь, и смерть. Дельфин невысокого мнения об обеих этих фундаментальных категориях, поскольку жизнь в его понимании «умиляет своею глупостью», а смерть не оставляет человеку никакого выбора. В тексте неоднократно подчёркнуто, что между жизнью и смертью общее лишь то, что они – «женского рода».

Таким образом, женское начало у раннего Дельфина чаще всего выступает в негативном аспекте (отметим, что негативно представленные персонификации Веры, Надежды и Любви тоже женского рода). В сниженном контексте чаще всего предстают у него и героини песен, в галерею которых отлично вписывается и «она» из первой «Веры». И если здесь, как мы уже отметили выше, указание на имя героини под большим вопросом, в арсенале Дельфина есть минимум две песни, где раскрывается значение конкретных женских антропонимов – Анна и Ольга

В песне «Игрушки» из одноименного альбома (1997) промежуточного проекта Дельфина «Мишины дельфины» описывается некая Анна, которая привыкла играть с чувствами своего партнёра:

Для меня это боль – для неё лишь тоска.
Для меня это жизнь – для неё лишь игра.
Для неё все что было, ещё очень живо,
Всё, что было со мной, от меня далеко.

Она смотрит вперёд, а я чаще назад.
Она делает вид, что живёт наугад.
Она любит играть – её игры забавны.
Ну, а я собираю игрушки для Анны.

Положение лирического субъекта по отношению к своей визави амбивалентно. С одной стороны, он собирает «игрушки для Анны», принимая правила её игры. С другой – смотрит на подругу свысока, разгадав её суть с позиции разочарованного в жизни современного Онегина или Печорина. Для раскрытия характера Анны ключевой, на наш взгляд, является строчка «она делает вид, что живёт наугад». Героиня не так проста и наивна, какой хочет казаться.

Мотивацию к такому её поведению находим в характеристике имени «Анна» у Павла Флоренского. По мнению философа, носительнице этого имени ведом космический масштаб мировой души, поэтому на свои «т. е. индивидуальные нужды и желания она смотрит из такой дали, что они не могут не казаться ей мелкими и ничтожными» [4, с. 537]. Из-за этого другими её личность незаслуженно оценивается «как бедная».

Не является исключением и лирический субъект «Игрушек», который, совершенно верно уловив вектор, присущий имени «Анна», остаётся, тем не менее, невысокого мнения о его хозяйке. Узвлённое самолюбие мешает разглядеть ему за игрой Анны подлинную трагедию, когда в трудные моменты девушка показывает своё истинное лицо: «Капают слёзы, смывая веснушки». Возникает эффект, описанный ещё Игорем Северяниным в «Триолете» (1909) из книги «Громокипящий кубок»:

Как он смешит пигмеев мира,
Как сотрясает хохот плац,
Когда за изгородью лиры
Рыдает царственный паяц! [3, с. 525]

И Анна у Дельфина, и паяц у Северянина, надевают маску шутов и отгораживаются от внешнего мира не из-за спеси, а для того, чтобы сохранить внутреннее «я». Только этого так никто и не замечает.

Имя Анна может привлекать Дельфина ещё по одной причине. Дело в том, что оно состоит из повторяющихся (и зеркально отображённых) первых двух букв имени Андрей, упоминание которого до поры до времени в лирике Дельфина табуируется. Возможно, в «Игрушках» он опосредованно подступает к постижению его сути. Однако на этом этапе тайна так и остаётся неразгаданной, потому что лирический субъект слишком «заигрался». Не оттого ли имя Анна становится в тексте тем, чем играет (в отместку?) лирический субъект, подбирая к нему прихотливую рифму «забавны», но не раскрывая метафизической сути девушки.

Как бы то ни было, имя «Анна» оказывается в «Игрушках» в сильной позиции, невольно привлекая к себе внимание. В песне «Ольга» из альбо-

ма Дельфина «Плавники» (2000) акцент сделан на другом женском имени, благодаря вынесению его в заглавие песни и в начало первой строки:

Ольга едет на юг,
Поезд уходит к морю.
Её саквояж разлук,
Наполнен тяжелой душою.

В главе книги «Имена» об Ольге Павел Флоренский сравнивает её с Анной. «В то время как ум Анны, – весь в трещинах, и чрез них провеивают дуновения совсем иных миров, с этим нашим миром не соотнесенных, так что Анна наполовину пребывает в тех иных мирах, Ольга, напротив, крепко сделана и случайное её не случайно в ней; она глубоко воспринимает мир, но именно *этот* мир, в его корнях и основаниях; но она совершенно не представляет себе, чтобы был ещё какой-либо мир, не соизмеримый с этим» [4, с. 563].

Оппозиция уязвимости Анны и основательности Ольги ощутима и у Дельфина. Если Анна вовлекается в игру и фактически теряет свою суть, то имя Ольга с присущей ему властностью уже одним своим звучанием организует пространство стиха, задавая ритм и аллитерацию строк (обратим внимание, что большинство ударений здесь падает на звук «о»!). Это сообразуется с тезисом Флоренского о том, что «корнями своими Ольга глубоко уходит в тучный чернозём и крепко стоит на земле» [4, с. 562].

Но у Дельфина также возникает фонетическая и смысловая параллель Ольги и моря, к которому отправляется на поезде героиня песни. Сравнивает Ольгу с морем и Флоренский, так как они неподсудны суду нравственности. По мнению философа, «Греха Ольга не боится и главное, что бы она ни делала, – не знает. Она движется напором своего хотения, который всегда прав или, точнее сказать, никогда не ставит вопроса о правоте» [4, с. 562].

Постоянная готовность Ольги к греху (а конкретно – к блюду) становится определяющим и для героини песни Дельфина:

Пустые флаконы для слёз –
Нужная вещь в дороге.
Если что-то будет всерьёз,
Она разведёт свои ноги.

Припев «Ольги» в равной степени может относиться как к заглавной героине песни, так и к лирическому субъекту:

Всё то, о чём приходится жалеть,
Я буду делать без сомненья тени,
Чтобы потом меня жалели
Все те, кто не смогли ещё успеть.

Сказанное вполне может быть вложено в уста героини, ведь, согласно Флоренскому, «чаще всего Ольга фактически и не нарушит норм, но потому что ей непосредственно претит это, как нечто некрасивое. Но когда захочет, то нарушит, ни на минуту не ставя себе мысль, что можно захотеть нарушить и – не нарушить. Поэтому самый цельный и светлый облик Ольги воспринимается обычно окружающими как нечто радостное, но не относящееся к роду добродетели» [4, с. 562].

Однако слишком уж различны по тональности куплеты и припев (написанные, соответственно, дольником и ямбом и имеющие разную субъектно-объектную структуру; к тому же в куплетах используется перекрёстная рифмовка, а в рефрене – кольцевая). Дельфин признавался, что в момент работы над альбомом «Плавники» был сильно ограничен во времени, поэтому при записи им были использованы обрывки недосочинённых стихов. Исходя из этого, можно предположить, что куплеты и припевы к «Ольге» взяты из разных текстов. А это значит, что лирический субъект из припева вступает с Ольгой в странные отношения: фактически он беззастенчиво пользуется её доступностью, да ещё и надеется выглядеть при этом в глазах окружающих романтизированным *infant terrible*. При всей разнице характеров Анны из «Игрушек» и героини песни «Ольга», между этими женскими образами оказывается много общего. Девушки кажутся поверхностными и пустыми, а их имена раскрывают весьма неприглядную сущность.

Рискнем предположить, что с таким же пренебрежением Дельфин относился и к другим именам, в частности – к своему собственному. В заметках Павла Флоренского находим достаточно нелицеприятную характеристику имени Андрей: «Положительное имя, т. е. без внутренних надломов и осложнений, но зато и без вдохновения» [4, с. 661]. Для творческого человека это – приговор. Что интересно, интуиции других рок-поэтов подтверждают данную репутацию Андреев. В «Прогулках по воде» «Наутилуса Помпилиуса» (текст Ильи Кормильцева) апостол Андрей порицаем Спасителем за нерешительность и мягкотелость. В песне «Печальная Лариса» «Ногу Свело!» (автор – Максим Покровский) некоего Андрея предостерегают от пьянства:

Слышь, Андрюх! Север – не юг.
Белый медведь убьёт.
Купишь пивка.
Стынет рука.
Но каждый второй здесь пьёт [2, с. 29].

Жан Сагадеев из группы «E.S.T» в завершающем песню «Злой рок» «садистском стишке» в эпатажной форме описывает присущую Андреем беспомощность и слепую покорность судьбе:

Мальчик с раком горла
Тихонов Андрейка

Молча ел конфету
«Раковая шейка»¹

Как бы то ни было, имя «Андрей» оказывается в творчестве Дельфина до поры до времени табуированным. Поэт ходит вокруг него да около, но напрямую не называет, безуспешно пытаясь собрать его из разных составных частей. В песне «Сумерки» из альбома «Звезда (2004)» Дельфин поёт:

Голосом ломких слов покину твою гортань
Буквою «А» через ров за бездыханья грань

Лирический субъект мучительно тщится произнести это имя, но оно у него как бы застревает в горле. Ещё прозрачнее эта же мысль выражена в песне «Sunset» из альбома «Существо» (2011):

Здесь моё имя буквой «А» кричало
И рассыпалось на сверканье песка... [1, с. 10]

В то же время, Дельфин осознаёт экзистенциальную необходимость произнесения имени, например, в песне «Имя» из альбома «Звезда»:

Я никогда не умру
Я буду вечно жить
Имя твоё назову
И не смогу забыть

Приведённые строки перекликаются с высказыванием известного французского философа Габриэля Марселя: «Любить означает сказать “Ты не умрешь”». Таким образом, у Дельфина ставится знак равенства между вербализацией имени, бессмертием и подлинной любовью. Но имя одухотворяется только тогда, когда его произносит человек, которому ты небезразличен. В противном случае оно воплощает исключительно тёмную сторону бытия, как это происходит в песнях «Игрушки» и «Ольга». Не потому ли Дельфину вообще было проще отказаться на определённом этапе от своего имени, нежели подвергать его профанации?

Истины в форме непреложных аксиом Дельфин не признаёт, разоблачая в своём творчестве не только ценимые человечеством качества и расхожие имена, но и слова как таковые. В песне «Июнь» из альбома «Ткани» (2001) есть такие строки:

Ты знаешь, я верил словам, я верил в их силу и страсть
Они рвали меня пополам и не давали упасть
Только слова как дым тающий высоко
А тем кто их говорил, в общем-то всё равно

¹ Цитируется по буклету CD «E.S.T.» «Злой рок» (2003).

Как подлинный авангардист, Дельфин является сторонником анонимности в искусстве. Даже названия своим песням он, на первый взгляд, даёт набум – да и те норовит пропечатать в сопроводительной информации к альбому как можно мельче и незаметнее. Соответственно, вместо имени и фамилии Андрей Лыиков на обложках его сольных альбомов всегда стоял псевдоним Дельфин, написанный либо кириллицей, либо латинскими буквами.

Конец анонимности был положен лишь в альбоме 2014 года «Андрей». Одновременно с диском вышла книга стихов Дельфина, образующая с диском единое смысловое поле. Ведь на обложке сборника впервые стояло настоящее имя поэта – Андрей Лыиков. В альбоме «Андрей» настоящее имя Дельфина упомянуто лишь однажды – в песне без названия, маркированной лишь пробелом в квадратных скобках – []. В книге же стихов этот текст назван по первой строке «Смотрел ей в глаза». В этом явно автобиографическом произведении уменьшительно-ласкательная форма имени Дельфина вложена в уста его большой жены:

Пришла в себя, говорит:
«А-а-а ты здесь?
Измучилась я вся, тяжело мне, Андрюша
Как там Ева? Помоги сесть...» [1, с. 64]

С помощью любимого человека, дарующего бессмертие, Дельфин как бы заново собирает себя из кусочков в единое целое. Работа трудная, неблагодарная, ведь прошлое тяжело, сумрачно и невыносимо, будущее походит на хищного зверя, готовящегося к броску, а настоящее сплошь окрашено в депрессивные цвета, как железная радуга, сверкающая в песне «Искра» всеми оттенками серого. Вера по-прежнему мертва, а вместо надежды – беззащитная рыжая сука по имени Надя (вновь конкретный антропоним, но уже низведенный до клички животного!), чей «ужин – снег» и чьи «щенки на дне канала» [1, с. 88].

Тем не менее в альбоме Дельфин открывает для себя важнейшую истину: только то страдание, которое ты разделил со своими близкими, очищает душу и помогает избавиться от житейских мелочей. Только через боль можно одухотворить жизнь и «научиться снежинкам давать имена» (песня «Двое»). Альбом «Андрей» повествует о мучительном обретении утраченных корней и вращении в родную почву (песня «Земля»).

Итак, обновлённый Андрей Лыиков с помощью всех этих экспериментов, по сути, возвращает своему имени исконное значение – «храбрый» и находит дорогу к себе подлинному. Кроме того, в альбоме упоминается Ева – дочь Дельфина, чьё имя, вероятно, соотносится с супругой первочеловека Адама, которому Господь дал право нарекать именами животных. Преображенный альтер эго Дельфина точно так же даёт в песне «Двое» имена снежинкам, постигая смысл каждого мгновения быстротечной жизни. А в следующем альбоме Дельфина «Она» (2016) в песне «Рябиновые птицы» имя героя, названное стае снегирей, убергает его любимую от

тоски. Так с именем Андрей у Дельфина начинает ассоциироваться ещё и сема спасения, которая как бы заимствуется у его «тотемного» животного.

Ощувив спасительную силу своего имени, Дельфин постепенно начинает «реабилитировать» и те имена, которые раньше в его текстах представляли в сниженном контексте. Такой чести удостоивается Анна, присутствующая имплицитно в тексте из бонус-трека альбома «Андрей» «Ахматова». В отличие от легкомысленной Анны из «Игрушек», соотносящаяся с поэтессой Анной Ахматовой героиня песни несёт в себе любовь, которая побеждает саму смерть. Как сказал бы Павел Флоренский, «внутренние её движения приобретают мировой размах и вселенскую значимость» [4, с. 537]. Ждём от Дельфина аналогичной «реабилитации» имени Ольга.

Творчество Дельфина – это искусство с отброшенным ключом. Приведём пару примеров таких шифровок. Можно долго ломать голову, почему альбом 2011 года называется «Существо», пока в книге стихов Андрея Лысикова не обнаружим текст, начинающийся со слов «Я существо без тела, без души, без трепета надежд, без ропота сомнений» [1, с. 91]. Или: на обложке альбома «Она» изображены пять птиц с разноцветными грудками, но на развороте диджипака грудки остаются уже без птиц, превращаясь просто в яркие кляксы. Но в большинстве других случаев в альбомах Дельфина таких подсказок нет (или же они не лежат на поверхности). Антропонимы – единственное, на что можно хоть как-то опереться при анализе.

Однако и по отношению к номинативным и антропонимическим стратегиям Дельфина вопросов пока не меньше, чем ответов. На некоторые ещё предстоит попытаться ответить в дальнейшем. Например, почему все песни альбома Дельфина 2018 года «442» названы посредством трехзначных чисел? Или чего больше – политики или метафизики – в строчке из песен «520» «имена сожжём на ветрах Крымского юга»?

Литература

1. *Лысиков А. В.* Стихи [Текст] / А. В. Лысиков. – М.: Издательство «Livebook», 2015. – 156 с.
2. *Покровский М. С.* «Детские рисунки» [Текст] / М. С. Покровский. – М.: Вагриус, 2004. – 230 с.
3. *Северянин И.* «Триолет» [Факсимиле рукописи] / И. Северянин // Терёхина В. Н., Шубникова-Гусева Н. И. «За струнной изгородью лиры». Научная биография Игоря Северянина. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – С. 525.
4. *Флоренский П. А.* «Имена» [Текст] / П. А. Флоренский // Флоренский П. А. Имена. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. – С. 449-662.